This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

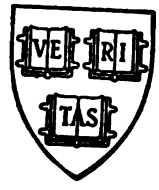
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1457.483.10



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

31-10
32282

31-10
32282

Редакція Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

Николай Ивановичъ Кибальчичъ.

Заказ № 7. Пор. № 40

Книга имеет: 55 стр. — иллюстр. —

— табл. — карт.

Примечания:

Расписка отв. за подгот. в перепл. 21

4-5

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

Заказ № 1226/3 Дата 8/IV-1970

Микросъемка 1 экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. Формат

Снимать стр. (1)

Все

" KIBAL'CHICH "

Наименование или шифр издания Николай Иванович Кибальчич СБ 1986

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

Тип. № 2 УПЛ. Зак. 3389 — 5000 5-8-69

31-10
32282

31-10
32282

Редакція Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

Николай Ивановичъ Кибальчичъ.

„ВЪ ЗНАНІИ И БОРЬБѢ—СИЛА И ПРАВО".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Вл. Распопова.

1906.

Slav 1457.483.10

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 29 1970

70 *2

Типографія «Сѣверъ» А. М. Лесмана, Спб. Садовая, 42.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КИБАЛЬЧИЧЪ.

(Матеріалъ для біографіи.)

Я ничего не знаю о первыхъ годахъ жизни Николая Кибальчича, знаю только, что по происхожденію онъ малороссъ и до конца дней сохранилъ нѣкоторый отпечатокъ украинофильскихъ тенденцій. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ студентомъ Мед. Хир. Академіи и все возился съ разными студенческими кружками самообразованія, устраивалъ рефераты по политической экономіи и т. п. Но, вообще, въ это время онъ не имѣлъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и политикой не занимался. Въ 1875 году (на III курсѣ, кажется,) одна знакомая барышня, опасаясь обыска, попросила Кибальчича взять къ себѣ только что полученный изъ-за границы тюкъ съ книгами. Кибальчичъ взялъ; но черезъ день или два у него самого произошелъ обыскъ, поводомъ къ которому послужила данная имъ когда-то мимоходомъ книжка крестьянину. Онъ просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи около 3-хъ лѣтъ, а по суду, состоявшемуся весною 1878 года, приговоренъ былъ къ 2-хъ мѣсячному аресту.

Тюрьма сильно разстроила здоровье Кибальчича, онъ смотрѣлъ совсѣмъ измученнымъ и долго не могъ отдышаться. До осени 1878 г. онъ не принималъ никакого участія въ какой бы то ни было общественной дѣятельности. Въ это время онъ много работалъ, читалъ, учился и, между прочимъ, принялся изучать взрывчатыя вещества,—замѣчательно, что въ это время очень многіе, совершенно независимо другъ отъ друга, обратили вниманіе на этотъ предметъ. При своей способности работать, Кибальчичъ скоро убѣдился, что—при надобности—динамитъ можетъ составить весьма практичное подспорье въ революціонной борьбѣ. Весною 1878 года

Кибальчичъ розыскалъ А. Квятковскаго (покойнаго), сообщилъ свои соображенія и предложилъ ему свои услуги. Въ то время они, однако, вовсе не были нужны. Кибальчичъ все-таки продолжалъ работать. Весною 1879 г. онъ сталъ понемногу сближаться съ радикалами, даже принималъ нѣкоторое участіе въ ихъ агитаціи. Такъ, напримѣръ, онъ состоялъ нѣкоторое время въ одномъ молодомъ кружкѣ, непосредственно подчиненномъ Исполнительному Комитету, и выдвинувшемъ впослѣдствіи 5—6 человѣкъ извѣстныхъ террористовъ.

Впрочемъ, ни агитація, ни организація не были дѣломъ Кибальчича. По складу своего ума, по своимъ наклонностямъ, это былъ скорѣе кабинетный ученый, чѣмъ революціонеръ-практикъ. За книгами, за выкладками въ лабораторіи—вотъ его сфера. Въ теоретической области соображенія являлись у него быстро одно за другимъ; каждое научное явленіе его чрезвычайно интересовало, возбуждало его пытливость. Здѣсь онъ со всякими затрудненіями справлялся легко и быстро. Но для практической жизни онъ совсѣмъ не годился. Вѣчно мысленно занятый разными соображеніями по вопросамъ соціологіи, механики, пиротехники и т. д., онъ въ практической жизни былъ постоянно разсѣянъ, неловокъ, а потому не въ состояніи былъ слѣдить за всѣми мелочами радикальной сутолоки, да и вовсе не любилъ ихъ. Въ умственномъ отношеніи онъ былъ человѣкъ вполнѣ самостоятельный и стоялъ выше многихъ, но, по своей безконечной добротѣ, мягкости и непрактичности, совсѣмъ не могъ вести людей за собою. Его всѣ уважали, каждый съ уваженіемъ относился къ его мнѣніямъ, пока они не выходили изъ сферы чисто научной, но въ вопросахъ партійной политики онъ былъ невиненъ, какъ дитя.

При возникновеніи „Народной Воли“, Кибальчичъ съ самаго начала раздѣлялъ ея тенденціи и проводилъ ихъ очень умно и успѣшно; онъ также писалъ и въ „Народной Волѣ“ (подъ псевдонимомъ Дорошенко). Но формированіе партіи требовало не только убѣжденій, а также извѣстной практической сноровки, которой Кибальчичъ не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть. Ему по натурѣ

была противна всякая дипломатія, — отчасти поэтому онъ въ съѣздахъ 1878 года вовсе не участвовалъ и не игралъ въ нихъ никакой роли; но онъ съ величайшей охотой принялъ на себя завѣдыванье лабораторіей Исполнительнаго Комитета и занимался этимъ дѣломъ до самой смерти.

Какъ техникъ—рабочій, Кибальчичъ былъ не особенно ловокъ. Разумѣется, онъ могъ сдѣлать и дѣлалъ все, но въ его работѣ не было той тонкости, артистичности, которой отличались нѣкоторые другіе его товарищи по дѣлу. Зато, какъ теоретикъ, Кибальчичъ, можно сказать, не имѣлъ себѣ соперниковъ. Прекрасно владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками (что онъ усвоилъ самоучкой), онъ перечиталъ чуть ли не всю литературу по этому вопросу. Голова у него была чрезвычайно изобрѣтательная, а масса свѣденій давала изобрѣтательности обильную пищу. У него всегда готовы были десятки комбинацій минъ, бомбъ, разныхъ взрывчатыхъ веществъ и т. д., которыя онъ могъ приспособить ко всякимъ условіямъ: что дешевле, что легче купить, что годится болѣе для воды, что занимаетъ наименьшій объемъ, что не должно превысить извѣстной сферы разрушенія—всѣ эти вопросы легко разрѣшались имъ (не въ обиду будь сказано правительственнымъ техникамъ, они могли бы многому поучиться у Кибальчича,—при своей громадной эрудиціи, онъ болѣе двухъ лѣтъ имѣлъ на рукахъ превосходную лабораторію и такой рядъ опытовъ, какого даже приблизительно не имѣли эксперты, споривше съ Кибальчичемъ на судѣ). Онъ превосходно ознакомился со всѣми свойствами нитроглицериновыхъ препаратовъ и достигъ истинной артистичности въ пользованіи ими. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что изобрѣтеніе снарядовъ (ихъ, собственно, нужно считать, не одинъ десятокъ) никогда не принадлежало въ лабораторіи всецѣло одному лицу. Они разрабатывались коллективно, подробности совершенствовались по указаніямъ опыта, по идеѣ разныхъ лицъ. Кибальчичу, большею частью, принадлежала общая идея препарата или снаряда, но разныя частности нерѣдко придумывались другимъ лицомъ. Надо

замѣтить также, что остановившись на нитроглицеринѣ, какъ на почти предѣльномъ (по теоріи) взрывчатомъ веществѣ, Кибальчичъ все-таки имѣлъ нѣсколько излюбленныхъ проектовъ относительно нѣкоторыхъ другихъ веществъ, еще вовсе не изслѣдованныхъ, и названій которыхъ я не могу вспомнить. Онъ все мечталъ при случаѣ испробовать и ихъ.

Работа по лабораторіи поглощала почти все время Кибальчича. Всѣ эти два года онъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ, но постоянно занимаясь, — читалъ, дѣлалъ опыты, наконецъ, исполнялъ заказы Исполнительнаго Комитета. Онъ также занимался денежной работой (литературною), и много читалъ по исторіи, соціологіи, политической экономіи. Онъ обладалъ очень хорошею памятью и быстрымъ соображеніемъ. Только при такихъ условіяхъ ему и удавалось слѣдить за наукой, при такомъ незначительномъ количествѣ свободнаго времени. Писалъ Кибальчичъ легко и очень хорошо, но мало,—по недостатку времени.

Въ личной жизни это былъ чрезвычайно симпатичный человѣкъ. Вѣчно занятый высшими философскими или техническими вопросами, онъ былъ на тысячу верстъ отъ всякихъ жизненныхъ мелочей, не интересовался ими и вполнѣ ихъ игнорировалъ. Онъ какъ будто не могъ представить себѣ, чтобы его кто-нибудь могъ обидѣть и эксплуатировать: что ни попроси его—онъ все сдѣлаетъ, никогда не думая, что его, можетъ быть, заставляютъ дѣлать только по собственной лѣнности, или берутъ у него деньги, нуждаясь меньше, чѣмъ онъ самъ. Такія соображенія были ему совершенно чужды. Вѣчное витаніе въ высшихъ сферахъ и страшная разсѣянность въ житейскихъ дѣлахъ часто давали поводъ, особенно барынямъ, къ разнымъ шалостямъ и проказамъ на его счетъ, но Кибальчичъ, большею частью, даже не замѣчалъ этого, а когда, наконецъ, догадывался, что съ нимъ состроили штуку, то относился къ этому самымъ добродушнымъ образомъ и, при общемъ хохотѣ, начиналъ пресерьезно объяснять, что настоящій случай доказываетъ только, насколько легкомысленны женщины, и какими пустяками онѣ способны интересоваться. Не

знаю, обижался ли онъ когда-нибудь, хоть разъ въ жизни. Впрочемъ, на него и нападать серьезно можно было только по поводу заоблачности. Помню, разъ сошлась у него въ квартирѣ голодная-преголодная компанія. Собрали всѣ свои копейки изъ всѣхъ кармановъ и просили Кибальчича, какъ хозяина, сходить купить что-нибудь. Онъ пошелъ—и принесъ французскій хлѣбъ и нѣсколько фунтовъ какой-то ягоды. А между тѣмъ вѣдь и самъ былъ не ѣвши цѣлый день. „Право я не сообразилъ хорошенько: вѣдь вы навѣрно еще не ѣли ягодъ въ этомъ году. Я увидѣлъ—очень хороши, ну, и купилъ", — оправдывался онъ. Другой разъ, онъ очень разгнѣвалъ свою хозяйку, истративши всѣ имѣвшіяся деньги (два рубля),—при полной невозможности достать ихъ гдѣ бы то ни было,—на покупку какихъ-то банокъ для своихъ опытовъ. Такихъ приключеній у него было не мало.

Несмотря на массу занятій, Кибальчичъ имѣлъ довольно большія знакомства. Онъ легко сходился съ людьми, и, рѣдко видаясь, умѣлъ, однако, сдѣлаться хорошимъ знакомымъ. Онъ внушалъ къ себѣ довѣріе и симпатію и былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ, какъ человѣкъ умный, начитанный, слѣдящій за всѣми явленіями общественной жизни, политики, науки и даже искусства. Каждый находилъ о чемъ потолковать съ нимъ. За послѣднее время онъ почувствовалъ стремленіе принять болѣе живое участіе въ партійной организаціи, сталъ расширять свои знакомства, задумалъ рядъ публицистическихъ статей, систематически развивающихъ программу партіи, но преждевременный конецъ помѣшалъ осуществленію этихъ плановъ.

Что касается его проекта воздухоплавательной машины, то, если не ошибаюсь, онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Всѣ нынѣ употребляемые двигатели (паръ, электричество и т. д.) недостаточно сильны для того, чтобы направлять воздушные шары. Идея Кибальчича состояла, кажется, въ томъ, чтобы замѣнить существующіе двигатели какимъ-нибудь взрывчатымъ веществомъ, вводимымъ подъ поршень. Сама по себѣ, эта идея, насколько мнѣ извѣстно, не нова; но здѣсь важны под-

робности: какое вещество вводится, при какихъ условіяхъ и т. д. Будетъ, конечно, очень жаль, если инквизиторская ревность правительства заставитъ его сражаться даже съ мертвымъ врагомъ и похоронить вмѣстѣ съ нимъ его, можетъ быть, въ высшей степени важное изобрѣтеніе. Но всего вѣроятнѣе, конечно, что оно будетъ просто украдено,—благо протеста съ того свѣта никто не услышитъ.

Знающіе Кибальчича не могутъ удивляться его философски-спокойной кончинѣ. Онъ не былъ ни на іоту боевымъ человѣкомъ, онъ не способенъ былъ поднять руку на себѣ подобное существо, онъ не могъ быть и хладнокровнымъ въ такую минуту, когда приходится сражаться. Но, при его глубокомъ убѣжденіи въ правотѣ своего дѣла, при его способности сливаться всей душой съ любимой идеей, онъ, конечно, могъ спокойно глядѣть въ глаза смерти, болѣе спокойно, чѣмъ большинство другихъ людей. И наканунѣ смерти, его, какъ извѣстно, тревожила только судьба его проекта воздухоплаванія, какъ Архимеда—судьба его круговъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КИБАЛЬЧИЧѢ.

(1877—1880 г.)

Изъ моей памяти никогда, вѣроятно, не изгладятся всѣ мельчайшія подробности первой встрѣчи и знакомства съ Кибальчичемъ. Правда за періодъ нашего революціоннаго движенія такія встрѣчи бывали очень часто, но для меня обстановка ея была тогда въ новинку: я познакомился съ нимъ въ Кіевскомъ тюремномъ замкѣ, куда меня привели 7-го сентября 1877 г.

Очутившись предъ вечеромъ въ камерѣ, гдѣ, кромѣ матраса на полу и „параши", ничего больше не было, я тотчасъ же услышалъ долетавшій до меня со всѣхъ сторонъ шумный говоръ. Сперва мнѣ трудно было разобрать, доносился ли онъ со двора или изъ корридора; но вскорѣ послышались крики: „Новичекъ! Новичекъ! На окно!" Я попробовалъ было взобраться на него; но всѣ мои усилія оказались тщетными. „Не могу!.. Высоко!..." кричалъ я изо всѣхъ силъ, такъ какъ разговаривавшій со мною голосъ все повторялъ: „Не слышу! Громче!" Наконецъ, онъ догадался, въ чемъ дѣло: „подставьте парашу!" послышалось со двора. Послѣдовавъ этому совѣту, я очутился на подоконникѣ и увидѣлъ въ окнѣ противоположнаго крыла тюрьмы темныя очертанія человѣческой фигуры. „Кто вы? По какому дѣлу? Откуда васъ привели?"—былъ я засыпанъ вопросами. Отвѣтивъ на нихъ, я также спросилъ, кто онъ, и узналъ, что то былъ Н. Кибальчичъ.

Начавшееся, такимъ образомъ, знакомство на окнѣ, продолжалось мѣсяца два при тѣхъ же обстоятельствахъ. Я въ это время не зналъ ни его физіономіи, ни даже олоса, такъ какъ, разговаривая чрезъ довольно обширный тюремный дворъ и при шумѣ со всѣхъ сторонъ, намъ приходилось выкрикивать фразы чуть не по от-

дѣльнымъ слогамъ, да и то только по вечерамъ, когда уголовные укладывались спать. Правда, Кибальчичъ,— пользовавшійся, въ качествѣ старожила, правомъ гулять по двору,—забѣгалъ иногда (днемъ, конечно) на мой корридоръ и — улучивъ удобную минуту, когда всегда стоявшій у моей камеры часовой зазѣвается,— наскоро вбрасывалъ въ продѣланное въ двери отверстіе записочку отъ моего товарища по одному дѣлу, который сидѣлъ съ нимъ на одномъ корридорѣ,—но и въ этихъ случаяхъ разсмотрѣть его физіономію, я, конечно, не могъ. Длинныя теоретическія бесѣды при такихъ обстоятельствахъ были почти немыслимы. Въ это время я узналъ только подробности его дѣла, изъза котораго онъ сидѣлъ уже около трехъ лѣтъ по разнымъ тюрьмамъ.

Будучи студентомъ Мед. Хир. Академіи, Кибальчичъ весною 1875 года отправился на каникулы въ Черниговскую губернію къ отцу своему, сельскому священнику (Нѣжинскаго уѣзда). Среди медицинскихъ книгъ, у него, какъ у большинства студентовъ тѣхъ лѣтъ, завалялась какая-то запрещенная книжка. Не задаваясь спеціальной цѣлью вести пропаганду, онъ, однако, сталкиваясь съ односельчанами, далъ эту книжку одному изъ нихъ, выразившему желаніе почитать что-нибудь. По окончаніи каникулъ, Кибальчичъ возвратился къ своимъ занятіямъ въ Мед. Хир. Академіи, совсѣмъ забывъ объ участи той книжки. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, кто-то изъ знакомыхъ попросилъ его оставить у себя на ночь запечатанный тюкъ съ книгами. Кибальчичъ согласился. Утромъ, на слѣдующій день ему въ Академіи сообщили, что полиція справлялась о немъ. Предполагая, что дѣло въ лежащемъ у него на квартирѣ тюкѣ, онъ не колеблясь отправился домой, заранѣе обдумывая для полиціи объясненія. Въ дѣйствительности же поводомъ къ обыску у него послужилъ не тюкъ, а данная имъ на родинѣ книжка. Крестьянинъ по прочтеніи, далъ ее другому, тотъ—третьему, и осенью, когда Кибальчичъ былъ уже въ Академіи, она очутилась у властей. Посидѣвъ послѣ обыска мѣсяца два въ III Отдѣленіи, побывавъ въ разныхъ пересыльныхъ тюрьмахъ,

Кибальчичъ, для разслѣдованія всѣхъ подробностей „преступной пропаганды", былъ привезенъ въ черниговскую тюрьму, откуда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, препровожденъ въ Кіевскій тюремный замокъ, гдѣ, въ ожиданіи суда надъ собою изъ-за несчастной книжки, сидѣлъ уже около двухъ лѣтъ, когда я съ нимъ познакомился.

До дня ареста, почти исключительно занимаясь науками и мало—или вѣрнѣе—вовсе не участвуя въ соціалистическихъ кружкахъ, Кибальчичъ совсѣмъ не подозрѣвалъ, сколь великое преступленіе кроется въ совершенномъ имъ на родинѣ поступкѣ. „Я все время думалъ, выкрикивалъ онъ мнѣ съ окна,—что дѣло мое окончится скоро и пустяками; но слѣдователь недавно заявилъ мнѣ, что за мои злодѣйскія дѣянія мнѣ грозитъ отъ 4—10 лѣтъ каторги". Къ этой перспективѣ онъ, однако, относился крайне легко, равнодушно какъ-то и интересовался, главнымъ образомъ, тѣмъ, есть ли въ централкахъ возможность заниматься чтеніемъ.

Мѣсяца черезъ два я былъ переведенъ на одинъ корридоръ съ Кибальчичемъ. Здѣсь намъ представлялась уже полная возможность вести длинныя бесѣды и хорошо познакомиться другъ съ другомъ. Стоя у дверей и приставивъ губы къ отверстіямъ, продѣланнымъ въ нихъ для наблюденія за заключенными, мы могли теперь разговаривать обыкновеннымъ голосомъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Здѣсь также легко удавалось видѣть физіономіи другъ друга.

Помню, разслышавъ въ первый разъ, что ключникъ отворяетъ его камеру, я подбѣжалъ къ дверямъ и приставилъ глазъ къ отверстію; но онъ, проходя мимо, сдѣлалъ то же, почему мы оба, конечно, ничего не видѣли. „Сперва вы покажите себя",—сказалъ онъ, не отходя отъ дверей. „Нѣтъ вы сперва",—говорилъ я. Наконецъ, мы дали другъ другу возможность разсмотрѣть себя, отступая по очереди на нѣсколько шаговъ.

Кибальчичу тогда было двадцать три—четыре года; средняго роста, съ небольшой темнорусой бородкой, блѣднымъ и очень умнымъ лицомъ, онъ скоро и легко возбуждалъ къ себѣ симпатію. Какъ это всегда бываетъ

въ тюрьмахъ, сближеніе наше шло быстро. Мы часто бесѣдовали, разсказывали другъ другу о своемъ прошломъ, вели теоретическіе споры.

Нужно замѣтить, что я, какъ и большинство южанъ тогда, принадлежалъ къ такъ называемымъ „бунтарямъ", Кибальчичъ же, попавшій въ тюрьму почти безъ опредѣленно сложившихся убѣжденій, тамъ лишь сдѣлался „лавристомъ".

Кибальчичъ, какъ казалось мнѣ въ тюрьмѣ, по темпераменту скорѣе всего былъ флегматикъ. Это бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ на него, при первыхъ произносимыхъ имъ словахъ. Онъ говорилъ до того медленно, растягивая чуть ли не каждый слогъ, что на мало знакомаго производилъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе; въ физіономіи его также почти никогда—за исключеніемъ очень экстренныхъ случаевъ—незамѣтно было никакого оживленія, никакой игры. Не удивительно поэтому, что многіе принимали его за человѣка апатичнаго, сонливаго; а нѣкоторыхъ, особенно радикалокъ, не на шутку даже раздражала его манера говорить. Но рядомъ съ этимъ, также бросались въ глаза его простота, мягкость и добродушіе. За все время знакомства съ нимъ, я не помню его въ дурномъ настроеніи, не потому, конечно, чтобы оно не бывало у него, а потому скорѣе, что онъ ничѣмъ внѣшнимъ не выражалъ его. Также, впрочемъ, трудно было разобрать, когда онъ былъ веселъ, доволенъ чѣмъ-нибудь. Когда, во время нашего пребыванія въ тюрьмѣ, случались важныя событія, вызывавшія во всѣхъ заключенныхъ безграничную радость, Кибальчича нужно было спросить, доволенъ ли и онъ, чтобы убѣдиться, какое на него впечатлѣніе произвелъ данный отрадный фактъ. Такъ, когда получилось извѣстіе объ оправданіи Вѣры Засуличъ, мы заключенные прыгали по камерамъ, выскакивая въ корридоръ, обнимались другъ съ другомъ, Кибальчичъ же и въ этотъ даже разъ оставался, какъ всегда, ровнымъ, спокойнымъ, съ обыкновенной своей улыбкой на лицѣ.

— Ну, а вы же, Николай, чего не радуетесь? приставали мы къ нему.

— Какъ не радуюсь! я очень радъ! Это хорошо,— очень хорошо! по обыкновенію медленно растягивалъ онъ.

Помню, впрочемъ, случай, когда онъ самъ выразилъ свою радость. Какъ-то разъ вечеромъ, стоя у дверей, я разсказывалъ ему и другимъ, что нѣкоторые „бунтари" (южные и сѣверные) еще съ 74 года, узнавъ о свойствахъ нитроглицерина, начали строить планы, какъ разомъ совершить рядъ крупныхъ террористическихъ актовъ чтобы, такимъ образомъ, какъ тогда думалось, дать сигналъ ко всеобщей революціи въ Россіи. Услыхавъ объ этомъ, Николай совсѣмъ пришелъ въ восторженное состояніе:

— Вотъ-бы хорошо! Вотъ-бы прелестно! восклицалъ онъ.—Вѣдь, знаете, такое дѣло вполнѣ выполнимо. Почему же не займутся имъ серьезно?—спрашивалъ онъ съ замѣтной радостью и—на этотъ разъ—произнося слова нѣсколько быстрѣе, чѣмъ обыкновенно.

Я сообщилъ ему, что ничего не выйдетъ изъ этого дѣла, такъ какъ за него взялись ненастойчивые, неумѣлые люди, которые вотъ уже три года носятся со своими планами, а они ни на шагъ не подвинулись впередъ.

— Вотъ не пойди я на каторгу, я непремѣнно занялся бы изученіемъ свойствъ нитроглицерина,—произнесъ онъ съ нѣкоторою грустью въ голосѣ.

Его отношеніе къ этому плану меня тогда, признаться, очень удивило,—я не предполагалъ, чтобы онъ сочувствовалъ такимъ революціоннымъ фактамъ и, вообще, „преждевременнымъ" революціямъ. Я думалъ, что онъ признаетъ полезность революцій лишь въ „отдаленномъ будущемъ", когда, по выраженію лавристовъ, „большинство русскаго народа будетъ поднято до соціалистическаго уровня", или „чрезъ тысячелѣтіе",—какъ мы тогда смѣялись надъ ними. Но я, оказалось, ошибся относительно Кибальчича. По натурѣ онъ, дѣйствительно, не былъ ярымъ революціонеромъ,—онъ не рвался бы на отчаянныя, удалыя предпріятія, не находилъ-бы, быть можетъ, удовольствія въ самой опасности, въ боевомъ огнѣ, какъ это у нѣкоторыхъ бываетъ,—но онъ несо-

мнѣнно былъ революціонеръ по мысли, по убѣжденіямъ и къ тому же—безусловно смѣлый человѣкъ, равнодушный къ опасности, не останавливающійся передъ нею или, вѣрнѣе—вовсе о ней не думающій. Мирная, спокойная дѣятельность изо дня въ день, конечно, болѣе соотвѣтствовала его темпераменту, чѣмъ бурная, кипучая; но, сознавая все значеніе революціонныхъ фактовъ, глубоко вѣря въ ихъ результатность, онъ, поэтому, сочувствовалъ имъ, а впослѣдствіи и помогалъ ихъ совершенію.

Совсѣмъ непрактичный въ отношеніи дѣлъ и людей, онъ подчасъ казался даже оптимистомъ. Правда, онъ не строилъ очень радужныхъ, совсѣмъ не выполнимыхъ плановъ, но все же онъ склоненъ былъ во многомъ видѣть лучшее, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Такъ, несмотря на довольно слабое сложеніе, онъ разсчитывалъ, что, безъ ущерба для своего здоровья, вынесетъ предстоящій ему срокъ каторги, а, по его окончаніи, если будетъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь, предполагалъ заняться фельдшерствомъ,—онъ былъ студентомъ медикомъ III курса. Поэтому, сидя въ кіевской тюрьмѣ, онъ все время продолжалъ теоретическое изученіе медицины и хлопоталъ у властей о разрѣшеніи ему—для практики—посѣщать тюремную больницу. Но разрѣшенія онъ никакъ не могъ добиться: начальство, несмотря на всѣ его разувѣренія, опасалось, что онъ будетъ заниматься пропагандой между больными (уголовными) арестантами.

Но особенно оптимистомъ онъ былъ въ отношеніяхъ къ людямъ. О всѣхъ, съ кѣмъ онъ близко сталкивался, онъ былъ хорошаго мнѣнія, хотя и не превозносилъ никого до небесъ, не приходилъ ни отъ кого въ особенный восторгъ. Онъ со всѣми въ тюрьмѣ—какъ впослѣдствіи на волѣ—былъ одинаково хорошъ, ровенъ, со всѣми жилъ въ мирѣ (насъ было въ тюрьмѣ человѣкъ около 20-ти). Я рѣшительно не знаю случая, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь серьезно поспорилъ, поругался, и думаю, во всю его жизнь съ нимъ не было такого случая. Всегда спокойный, уступчивый, онъ даже тюремнымъ властямъ спускалъ тамъ, гдѣ другой поднялъ-бы

бунтъ. Разсказывали, что былъ такой случай—еще до того, какъ насъ съ товарищами привели:—гуляя по двору, онъ, не замѣтивъ смотрителя, не поклонился ему, за что тотъ на него раскричался; Кибальчичъ же, хладнокровно выслушавъ его нападки, сталъ лишь спокойно излагать ему, что это случилось неумышленно. Но во время общихъ протестовъ, „тюремныхъ бунтовъ",—которые, съ нашимъ приходомъ, бывали часто, благодаря чему мы добились многихъ льготъ,—Кибальчичъ, конечно, не отставалъ отъ компаніи, хотя и никогда не выдвигался впередъ.

Внѣ прогулокъ по двору, онъ всегда занимался чтеніемъ. Онъ не набрасывался съ жаромъ ни на что и также не торопясь брался за медицинскую книгу, какъ и переходилъ къ учебнику новаго языка или—къ „Капиталу" Маркса, который имѣлъ при себѣ. Онъ одинаково, кажется, интересовался всѣми науками, изученію всего способенъ былъ отдаться. Поэтому, не удивительно, что Кибальчича мы всегда видѣли сидящимъ за книгой даже въ тюрьмѣ,—гдѣ, какъ извѣстно, на многихъ часто находитъ полнѣйшее ко всему равнодушіе, апатія, и цѣлые часы, а то и дни, заключенные проводятъ въ лежаніи на койкѣ или шаганіи по крошечной камерѣ.

Даже прогулки по двору онъ утилизировалъ не въ одномъ только гигіеническомъ отношеніи. Въ эти часы онъ знакомился съ бытомъ уголовныхъ, старался сойтись съ ними и, насколько было возможно, занимался, конечно, среди нихъ пропагандой. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ въ близкихъ, даже товарищескихъ отношеніяхъ, и благодаря его—какъ и другихъ политическихъ—вліянію, нѣсколько человѣкъ изъ числа уголовныхъ сдѣлались вполнѣ сознательными соціалистами, напр. Рошко, Овчинниковъ и др. *). Вообще говоря,

*) Рошко (еще съ однимъ бывшимъ уголовнымъ), переодѣвшись въ жандармское платье, явился въ харьковскую тюрьму съ предписаніемъ будто-бы отъ жандармскаго правленія, намѣреваясь такимъ образомъ освободить Ѳомина, но былъ узнанъ вслѣдствіе доноса, и тутъ же арестованъ. За эту попытку онъ весною 1879 г. приговоренъ Харьк. Военно-Окружнымъ Судомъ къ каторжнымъ работамъ на 20 л. Овчинниковъ—за убійство шпіона и другіе тер-

Кибальчичъ, вслѣдствіе своей манеры говорить, не годился въ пропагандисты, а тѣмъ болѣе въ агитаторы; но своей добротой, умомъ и начитанностью онъ привлекалъ къ себѣ и возбуждалъ интересъ въ собесѣдникахъ.

Въ тюрьмѣ мы пробыли съ Кибальчичемъ вмѣстѣ 6—7 мѣсяцевъ. Вскорѣ послѣ процесса 193-хъ его, наконецъ, повезли на судъ въ Петербургъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до отправки его, можно было видѣть,—по, сравнительно съ прежними, мягкому приговору Особ. Прис. по Большому Процессу,—что дѣло Кибальчича окончится пустяками. Но, прощаясь съ нимъ, мы все же высказывали надежду встрѣтиться только когда-нибудь на каторгѣ—въ тѣ блаженныя времена еще не было висѣлицъ—такъ какъ мы-то ужъ вовсе не могли разсчитывать такъ же очутиться скоро на волѣ.

Просидѣвъ около трехъ лѣтъ въ предварительномъ заключеніи, свыкшись уже съ мыслью и совсѣмъ собравшись отправиться въ централку, Кибальчичъ по суду, дѣйствительно, приговоренъ былъ всего къ двухмѣсячному заключенію, и, такимъ образомъ, весною 1878 г. онъ пользовался уже свободой. Въ концѣ мая того же года я съ товарищами—еще болѣе неожиданно и внезапно—также очутился на волѣ и вскорѣ отправился въ Петербургъ.

Легко себѣ представить нашу общую радость при первой встрѣчѣ,—мы были на волѣ, въ саду (мы встрѣтились въ Лѣсномъ), внѣ тюремныхъ стѣнъ. Мы долго какъ бы не вѣрили своимъ глазамъ, что это въ дѣйствительности, на яву... „Такъ мы не на каторгѣ! И какъ скоро встрѣтились!..“ поминутно радостно воскли-

---

рористическіе поступки приговоренъ былъ въ Кіевѣ (также весною 1879 г.) къ смертной казни, которую военный судъ, несмотря на его просьбы «не миловать его», замѣнилъ ему вѣчной каторгой. На судѣ онъ произнесъ превосходную рѣчь (см. «Народ. Волю» № 1), въ которой, между прочимъ, выразилъ свою глубокую благодарность пропагандистамъ, превратившимъ его изъ уголовнаго арестанта въ сознательнаго соціалиста. (Къ сожалѣнію, каторги Овчинниковъ не выдержалъ и черезъ нѣсколько времени вновь превратился въ человѣка, далекаго не только отъ соціалистической, но и всякой морали).

цалъ каждый изъ насъ. Мы, конечно, долго предавались тюремнымъ воспоминаніямъ, говорили также о будущихъ нашихъ планахъ, о новыхъ впечатлѣніяхъ и знакомыхъ. И на душѣ у каждаго было такъ хорошо, легко... Его въ это время занимала мысль освободить кого-нибудь изъ тюрьмы. Побѣги висѣли тогда въ воздухѣ, и многіе занимались тогда придумываніемъ плановъ, предлагали свое содѣйствіе. Кибальчичъ разсказалъ мнѣ свои планы побѣговъ изъ петербургскихъ мѣстъ заключенія; но, какъ и заранѣе можно было ожидать, одинъ былъ невыполнимѣе другого. Къ кружку онъ тогда не пристадъ еще ни къ какому; онъ только заводилъ знакомства, присматривался, интересовался новыми воззрѣніями и программами, что, вполнѣ естественно, было для него очень важно послѣ почти 3-хъ-лѣтняго одиночества. И новые люди, и другія условія жизни, и измѣнившаяся обстановка уже успѣли радикально повліять на его воззрѣнія, на его планы о будущемъ. Онъ не собирался уже, какъ прежде можно было думать, поселиться въ какомъ-нибудь селѣ съ цѣлью вести мирную, культурную дѣятельность. Теперь онъ самъ находилъ, что медленная пропаганда—работа мало производительная, самъ заявлялъ, что не выгодно за „одного крестьянина“, за одну „хитрую механику“ въ среднемъ числѣ minimum десяти соціалистамъ цѣлые годы проводить въ тюрьмахъ. И онъ также находилъ теперь необходимымъ стремиться создавать организаціи въ крестьянствѣ, пользуясь уже существующимъ въ немъ недовольствомъ и желаніями; словомъ, онъ уже и самъ пристадъ къ „народничеству“, противъ котораго еще такъ недавно въ тюрьмѣ возставалъ.

Послѣ этой встрѣчи мы не видѣлись съ нимъ почти съ годъ. Только въ августѣ 1879 года мы снова встрѣтились въ Петербургѣ, гдѣ онъ все время оставался, занимаясь, какъ онъ мнѣ послѣ разсказывалъ, изученіемъ производства динамита домашнимъ способомъ, а также литературной дѣятельностью. Затѣмъ онъ скоро поселился въ Одессѣ, куда и я часто пріѣзжалъ, и мы въ этихъ случаяхъ видались съ нимъ ежедневно. Онъ и теперь все еще окончательно не приставалъ ни къ

одной изъ революціонныхъ организацій, но своими познаніями уже цѣликомъ служилъ террористической борьбѣ. Присоединенію къ организаціи отчасти, кажется, мѣшала его неспособность, что называется, „быть въ струнѣ". Къ тому же, хотя онъ въ общемъ и раздѣлялъ воззрѣнія „Народной Воли", но не проводилъ ихъ еще во всѣхъ частностяхъ, какъ эта партія. Такъ, онъ задавался тогда цѣлью, независимо отъ „Народной Воли", вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, вовсе не состоявшими въ этой партіи,—самостоятельно основать на югѣ газету. Программа этого органа, какъ онъ мнѣ ее развивалъ, хотя и заключала въ себѣ политическій элементъ, но въ ней отводилось большое мѣсто своеобразному „федерализму". Онъ считалъ нужнымъ дать возможность высказываться мѣстнымъ, провинціальнымъ элементамъ, такъ какъ существующіе въ столицѣ революціонные органы по неволѣ трактуютъ лишь о центрахъ, на нихъ лишь сосредоточиваютъ главное вниманіе. Но, по моему, его тенденціи скорѣе всего можно-бы назвать „провинціоналистическими". *) Но главная, кажется, причина, почему онъ не вступалъ цѣликомъ въ организацію, была его неспособность управляться со всякими мелочами партійныхъ „конспирацій", — что очень важно при современныхъ условіяхъ революціонной дѣятельности,—его подчасъ крайняя непрактичность, вслѣдствіе которой онъ иногда дѣлалъ большіе промахи.

Разскажу одинъ случай. Возвращаясь въ началѣ ноября изъ Орла въ Одессу, я, въ ожиданіи отхода поѣзда, расхаживалъ по вокзалу (это было въ Харьковѣ), когда на одной изъ кушетокъ залы перваго класса увидѣлъ Кибальчича, погруженнаго въ крѣпчайшій сонъ. Нужно замѣтить, что тогда уже было введено военное положеніе, и, въ ожиданіи возвращенія царя изъ Ялты, на вокзалахъ особенно много толпилось всякаго начальства; шпіоны рыскали по всѣмъ направленіямъ, заглядывая каждому въ лицо. Кибальчичъ же былъ тогда „нелегаленъ", и

---

*) Считаю нужнымъ замѣтить, что я говорю о концѣ 1879 г. А какъ онъ относился въ послѣдніе годы къ этому вопросу, я не знаю.

его, какъ уже сидѣвшаго въ тюрьмахъ, по фотографической карточкѣ, узнать было, конечно, легко. Онъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, лежалъ вверхъ лицомъ, бросаясь всѣмъ въ глаза своею позой и внѣшностью: въ изголовьѣ у него былъ довольно старенькій чемоданчикъ и, хотя вообще былъ не дурно одѣтъ, но совсѣмъ не по харьковскому сезону: на немъ было осеннее легкое пальто—въ отличіе отъ всѣхъ другихъ пассажировъ 1 класса, которые, конечно, носили уже шубы—и неподалеку отъ него стоялъ его неразлучный цилиндръ, за что всѣ мы и называли его тогда „цилиндромъ". Я былъ очень пораженъ, увидѣвъ эту картину, и стоялъ нѣкоторое время въ раздумьи, не зная, что мнѣ дѣлать, когда замѣтилъ, что два полицейскихъ чиновника, подошедши къ спящему, пристально стали его разсматривать. „Пропалъ!"—съ отчаяніемъ думалъ я. Но тутъ же раздался звонокъ къ отходу поѣзда и сторожъ подошелъ къ спящему и, расталкивая, сталъ его будить, что ему не скоро удалось. Полицейскіе также засуетились и отошли. Я благословлялъ этотъ звонокъ и сторожа, явившагося спасителемъ Кибальчича. Оставшись съ нимъ наединѣ, я упрекалъ его за неосторожность, говоря, что могъ же онъ выспаться у знакомыхъ въ городѣ, или въ гостиницѣ, а не укладываться на показъ полиціи, даже не отвернувши головы къ стѣнѣ. „Вотъ именно моя-то поза и не внушила имъ никакого подозрѣнія на мой счетъ: они сейчасъ рѣшили, что я—сама простота и невинность", смѣялся онъ, нисколько не соглашаясь, что поступилъ неосторожно.

Изъ дальнѣйшаго съ нимъ разговора я узналъ, что онъ возвращался въ Одессу изъ-подъ Александровска, гдѣ въ это время закладывалась мина подъ полотно желѣзной дороги, и, пробывъ въ дорогѣ четверо сутокъ безъ сна, онъ страшно усталъ. Въ Харьковѣ онъ останавливался на нѣсколько часовъ, думая встрѣтить тамъ Гольденберга, но тотъ почему-то не пріѣхалъ; поэтому Кибальчичу нужно было спѣшить въ Елисаветградъ, гдѣ онъ еще надѣялся свидѣться съ Гольденбергомъ. Мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ. Въ одномъ съ нами поѣздѣ ѣхалъ жандармскій офицеръ, который

часто выходилъ изъ вагона на станціяхъ. Это насъ нѣсколько занимало, удивляло. Я дразнилъ Кибальчича, говоря, что его узнали, когда онъ спалъ, и теперь не спускаютъ съ глазъ, почему и мнѣ, молъ, опасно сидѣть съ нимъ рядомъ. Но, въ сущности, мы оба не придавали особеннаго значенія присутствію жандармскаго офицера и ѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ нижнихъ чиновъ. Когда же на второй день мы пріѣхали въ Елисаветградъ, то замѣтили на вокзалѣ нѣкоторое оживленіе,—жандармы и штатскіе шныряли, шушукались. Расхаживая въ одиночку, мы стали прислушиваться къ разговорамъ публики. Наконецъ, до меня долетѣли двѣ-три фразы („маленькій чемоданчикъ, но очень тяжелый; еще очень молодой человѣкъ"), изъ которыхъ можно было заключить, что кто-то былъ здѣсь недавно арестованъ. Кибальчичъ, оказалось, также разслышалъ подобныя же фразы. Для насъ стало ясно, что Гольденбергъ былъ здѣсь арестованъ. Только послѣ этого случая Кибальчичъ согласился, что за свою неосторожность въ Харьковѣ онъ могъ также поплатиться, какъ и Гольденбергъ.

Въ этотъ пріѣздъ въ Одессу, мы видѣлись съ нимъ особенно часто,—иногда по нѣсколько разъ въ день. Надо замѣтить, что мы съ часу на часъ тогда ждали сообщенія о взрывѣ по желѣзной дорогѣ. Когда получилась телеграмма о „благополучномъ прослѣдованіи" царя по Лозово-Севаст. ж. д., мы были, конечно огорчены этимъ, но надѣялись еще на Москву. Всѣ эти дни казались намъ мучительно долгими; мы были въ возбужденно-выжидательномъ состояніи и, конечно, ничего не могли дѣлать, поэтому по нѣсколько разъ на день назначали другъ другу свиданія, такъ, почти безъ опредѣленной цѣли. Только 22-го ноября, одновременно съ телеграммой о „благополучномъ пріѣздѣ" царя въ Петербургъ, стало извѣстно въ Одессѣ о неудачномъ покушеніи подъ Москвой. Мы до того были увѣрены въ успѣхѣ, до того свыклись съ этой мыслью, что неудача доводила нѣкоторыхъ изъ насъ чуть не до отчаянія; одинъ, напр., по прочтеніи телеграммы, долго и истерически рыдалъ.

Только Кибальчичъ былъ, какъ всегда, спокоенъ во всѣ эти дни. Его, какъ техника, больше всего, кажется, занимала причина неудачи. „Неужели динамитъ былъ плохъ? Или мало его оказалось?“ раздумывалъ онъ вслухъ. Въ этомъ отношеніи дальнѣйшія подробныя извѣстія его успокоили. Тогда онъ сталъ придумывать новыя приспособленія и усовершенствованія. И вскорѣ, послѣ московскаго взрыва, онъ уже приготовлялъ разрывныя бомбы, стараясь приспособить ихъ такъ, чтобы взрывъ произошелъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ бомба упадетъ на землю, и чтобы представлялась, такимъ образомъ, возможность скрыться лицу, которое ее броситъ. Съ обыкновенной своей настойчивостью онъ сталъ производить новые опыты, просиживая за ними иногда цѣлыя ночи напролетъ. Конечно, при этомъ случались у него приключенія; такъ, разъ поздно ночью произошелъ у него взрывъ (конечно, незначительный), очень напугавшій спавшую въ сосѣдней комнатѣ хозяйку квартиры—радикалку. Они оба боялись, что сосѣди проснутся отъ шума, но, по счастію, этого не случилось.

Всецѣло погруженный въ свои научныя занятія, Кибальчичъ былъ совсѣмъ равнодушенъ къ личнымъ общечеловѣческимъ потребностямъ и чувствамъ. Ни съ кѣмъ онъ не былъ близокъ, ни къ кому не успѣлъ еще привязаться. Ему, кажется, совсѣмъ даже не были знакомы чувства любви и дружбы. Изъ разговоровъ съ нимъ на эти темы я заключилъ, что во всю свою жизнь онъ никого еще не любилъ и ни съ кѣмъ еще не сходился. О женщинахъ онъ такъ отзывался: „всѣ онѣ любятъ, чтобы за ними поухаживали, пріударили; ну, а я не умѣю, да и некогда мнѣ“. Быть можетъ, дѣйствительно, его чрезмѣрной простотой и скромностью объясняется полное отсутствіе у него личнаго счастья, но удивительно, что никто изъ знакомыхъ не замѣчалъ этой потребности въ немъ.

Къ жизни своей онъ относился вполнѣ индифферентно. Помню, я особенно это замѣтилъ по слѣдующему поводу. Въ отомщеніе за 19 ноября разсвирѣпѣвшее правительство казнило первыхъ, подвернувшихся ему подъ руки. Малинка, Дробязгинъ и Майданскій, аресто-

ванные задолго до начала террористической эры (въ 1876—77 гг.). сдѣлались жертвами (въ началѣ декабря 1879 г.) Тотлебена и Панютина, обезумѣвшихъ отъ ярости. Глазамъ не вѣрилось, читая безсмысленно мотивированный смертный приговоръ. Негодованію и озлобленію нашему, какъ и всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ и чувствующихъ, не было конца. Кибальчичъ же къ этимъ тремъ, какъ и ко всѣмъ предыдущимъ, казнямъ относился съ истинно-философскимъ спокойствіемъ. „Не все ли равно, что висѣлица, что каторга“,—говорилъ онъ мнѣ. Впослѣдстзіи онъ доказалъ, что ему дѣйствительно „все равно“.

Мы пробыли съ нимъ вмѣстѣ въ Одессѣ около двухъ мѣсяцевъ. Въ концѣ декабря я уѣхалъ въ Петербургъ, куда вскорѣ и Кибальчичъ пріѣхалъ. Здѣсь мы видѣлись съ нимъ всего одинъ разъ,—незадолго до моего отъѣзда за границу (въ январѣ 1880 года). Затѣмъ, я лишь изъ газетъ услыхалъ о дѣйствіи его бомбы и геройской его смерти...

ДѢЛО 1-го МАРТА 1881.

Дополнительный обвинительный актъ,

которымъ предается суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, 27 лѣтъ, обвиняемый въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 241 и 249 Улож. о наказ.

17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника Николай Ивановъ *Кибальчичъ*, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2. подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степановича Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1-го марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя;

I.

По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго „техника“, о которомъ онъ говорилъ въ своихъ пока-

заніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся „техникомъ", 28-го февраля находился съ нимъ, „Михаиломъ Ивановичемъ" и Тимофеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а утромъ 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину на Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ „больше иллюзіей" мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ Института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ соціалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнѣ 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генералъ-адъютанта Мезенцова, перешелъ на нелегальное положеніе, и до весны 1879 года, не имѣя ни связей среди „партіи", ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 года онъ предложилъ чрезъ казненнаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе.

Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года Липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, пріобрѣтя необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовлять какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, и приготовленія къ таковому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачное посягательство на жизнь Государя Императора, „партія“ составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ съ одной стороны было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложеніи этой послѣдней въ Малой Садовой онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, при чемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запалъ для заряда мины. Что

же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно—объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ—Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ его, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаковымъ и „Михаиломъ Ивановичемъ". Въ планѣ посягательства 1-го марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленныя по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, при чемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-ое марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица—техники, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ: „Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей кислой ртутью малаго и большого сопротивленія."

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти и изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кроловецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ Новгородсѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію. Въ 1875 году Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ"—въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ Особаго Присутствія, состоявшимся 1-го мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 Улож., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По пріѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 года по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ „Сарапинской гостиницѣ"; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстной женщиной, называвшейся его женою; 3) осенью 1880 года по Невскому проспекту, д. № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Маѳою Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою на Лиговкѣ Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, при чемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой и дворника, крестьянина Ѳедора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ.

При производствѣ еще неоконченнаго дознанія о дворянинѣ Александрѣ Михайловѣ и другихъ, собраны, между прочимъ, свѣдѣнія о томъ: 1) что въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ, помѣщалась тайная типографія, и 2) что, посѣщая въ теченіе первой половины 1880 года другую конспиративную квартиру, по Подъяческой улицѣ, въ д. № 37, Кибальчичъ занимался въ ней приготовленіемъ динамита. Это послѣднее обстоятельство не отвергается и самимъ Кибальчичемъ.

II.

Привлеченный, въ качествѣ обвиняемаго, къ дознанію о 16 лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ купца Григорій Гольденбергъ (нынѣ умершій), между прочимъ, показалъ, что во исполненіе рѣшенія, состоявшагося на Липецкомъ съѣздѣ „соціально-революціонной партіи“, въ іюнѣ 1879 года были предприняты подготовленія къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы и близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи; въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ подготовленіяхъ, находился сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, участіе котораго, по словамъ Гольденберга, заключалось въ слѣдующемъ: 9-го ноября 1879 года Гольденбергъ отправился изъ Москвы въ Одессу за динамитомъ для взрыва на Московско-Курской желѣзной дорогѣ; на станціи Елисаветградъ онъ встрѣтилъ Кибальчича, ѣхавшаго изъ Одессы, при чемъ этотъ послѣдній объяснилъ, что онъ везетъ въ Александровскъ проволоку къ Желябову и что онъ проживалъ передъ этимъ въ Одессѣ подъ именемъ Иваницкаго; Гольденбергъ сообщилъ Кибальчичу, что ѣдетъ въ Одессу за динамитомъ, на что Кибальчичъ заявилъ ему, что въ Одессѣ, быть можетъ, уже успѣли заложить динамитъ подъ рельсы; вслѣдствіе этого Гольденбергъ рѣшилъ, что ѣхать въ Одессу за динамитомъ безполезно, и послалъ по этому поводу, по

соглашенію съ Кибальчичемъ, телеграмму Колоткевичу, распоряжавшемуся одесскими приготовленіями.

Дознаніемъ обнаружено, что 11-го октября 1879 года, дѣйствительно, была послана со станціи Елисаветградъ, Харьково-Николаевской желѣзной дороги, телеграмма, адресованная въ Одессу Михаилу Ѳедорову Сидоренко (подъ именемъ котораго проживалъ тамъ Колоткевичъ) слѣдующаго содержанія: „Не посылайте напрасно вина, подождите моего повѣреннаго, завтра утромъ пріѣдетъ— Максимовъ", при чемъ по показанію Гольденберга, подъ виномъ слѣдовало разумѣть динамитъ.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Кибальчичъ объяснилъ, что, проживая въ 1879 году въ Одессѣ, по Екатерининской улицѣ, въ д. № 66, подъ именемъ Максима Петрова Иваницкаго, онъ зналъ о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь Государя Императора, предпринятыхъ осенью въ 1879 году, и принималъ активное участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы, при чемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва; такъ, съ этою цѣлью онъ отдалъ въ магазинъ Левенталя для починки спираль Румкорфа, а когда починка была произведена неудовлетворительно, онъ купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя; вслѣдъ за тѣмъ онъ узналъ, что Государь Императоръ на обратномъ пути изъ Крыма не поѣдетъ черезъ Одессу, и потому счелъ полезнымъ отвести одну изъ спиралей въ Александровскъ, гдѣ она была въ неудовлетворительномъ видѣ; исполняя это послѣднее рѣшеніе, онъ поѣхалъ въ Александровскъ и по дорогѣ встрѣтился съ Гольденбергомъ.

Показаніе обвиняемаго Кибальчича о пріобрѣтеніи въ Одессѣ матеріаловъ, необходимыхъ для взрывовъ, подтверждается показаніями свидѣтелей Людвига Левенталя, Самуила Левенсона и Давида Розенталя.

При осмотрѣ домовой книги въ д. № 66, по Екатерининской улицѣ гор. Одессы, оказалось, что въ квартирѣ № 22, дѣйствительно, проживалъ въ этомъ домѣ, въ 1879 году, коллежскій регистраторъ Максимъ Петровъ Иваницкій съ женою Елисаветой, по аттестату Херсонско-Бессарабскаго губернскаго управленія государ-

ственными имуществами, отъ 24-го марта 1876 года за № 5729.

На основаніи вышеизложеннаго сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ обвиняется:

I. Въ принадлежности къ тайному сообществу, именующему себя соціально-революціонной партіей, имѣющему цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный строй, при чемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, и вооруженныхъ сопротивленій властямъ, т. е. въ преступленіи, предусмотренномъ въ 249 ст. Улож. о наказ. изд. 1876 года.

II. Въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, онъ согласился къ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, во исполненіе какового умысла:

1) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву, 18-го ноября 1879 года, полотна желѣзной дороги при проходѣ Императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею Иванову Желябову, необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа.

2) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію, въ томъ же 1879 году, такового же взрыва на Одесской желѣзной дорогѣ, близъ города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ, и между прочимъ посредствомъ пріобрѣтенія и приспособленія спиралей Румкорфа. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 242 Улож. о наказ. 1866 года.

3) Изобрѣлъ, изготовилъ и приспособилъ четыре метательныхъ снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было 1-го марта сего 1881 года злодѣйское посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, при чемъ однимъ

изъ означенныхъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія пораненія, отъ которыхъ того же 1-го марта Государь Императоръ въ Бозѣ почилъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 241 Улож. о нак. изд. 1866 года.

По перечисленнымъ обвиненіямъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 6-го и 13-го сего марта и ст. 1.032, 1.052 уст. уг. суд., 2 ч. XV т. Св. Зак., изд. 1876 года, по прод. 1879 года, Николай Ивановъ Кибальчичъ предается суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ марта 21-го дня 1881 года въ С.-Петербургѣ.

На вопросъ о виновности Н. И. Кибальчичъ отвѣчалъ: Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, я позволю себѣ опредѣлить тѣ главныя задачи, которыя ставитъ та партія, къ которой я себя причисляю...

Первоприс. Для суда представляютъ дѣйствительный интересъ только ваши убѣжденія и задачи.

Тогда *подс. Кибальчичъ* подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленіе тайнаго общества, принявшаго наименованіе „Народной Воли", и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ соціалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ онъ сказалъ: „Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе итти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если бы не этотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти соціалистическаго, а именно поднять умственный и нравственный уровень массы,

развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до соціалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы въ цареубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственныхъ орудій, и т. д." Затѣмъ, подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя показалъ: „Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я перечелъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался итти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою, и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ приготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ вещей, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничилось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность приготовлять динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось научною,

техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5 февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Эта была скорѣе коллективная работа.

Первоприс. Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали ли вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Подс. Кибальчичъ. Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой-Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита на Малой-Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во первыхъ, достигнуть предположенной цѣли, а во вторыхъ, не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ, и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ...

Первоприс. По этому вопросу вы можете еще высказаться во время экспертизы.

Подс. Кибальчичъ. Я не зналъ, что буду имѣть этотъ случай, поэтому я и коснулся теперь. Итакъ, относительно устройства мины, найма помѣщенія, назначенія туда людей и т. п.—въ этомъ я не принималъ участія.

Но за нѣсколько дней я узналъ какой способъ предполагается и гдѣ, узналъ также и время—1-ое марта. Относительно метательныхъ снарядовъ я долженъ замѣтить еще слѣдующее. Я вмѣстѣ съ другими лицами былъ на опытѣ, и затѣмъ, какъ выражается Рысаковъ, читалъ лекціи по устройству снарядовъ. Я, дѣйствительно, дѣлалъ указанія и дѣйствительно былъ на опытѣ, но считаю нужнымъ заявить, что той личности, которая называется Тимоѳеемъ Михайловымъ, не было ни на опытахъ, ни на чтеніи этихъ лекцій. Вообще, я его ни разу не видалъ на квартирѣ Гельфманъ.

ИЗЪ РѢЧИ ПРОКУРОРА Н. В. МУРАВЬЕВА.

Въ другомъ мѣстѣ, намъ неизвѣстномъ, можетъ быть, въ Подъяческой, можетъ быть, въ той уединенной комнатѣ, въ которой своимъ научнымъ изысканіямъ предавался Кибальчичъ, происходила выработка самихъ средствъ, самаго орудія преступленія. Нужно было много сдѣлать. Нужно было выработать типъ, идею, систему снаряда, нужно было подавать техническіе совѣты для устройства мины и въ то же время заботиться о разрушительномъ и спасительномъ дѣйствіи этой мины, нужно было заботиться о минимальномъ количествѣ динамита, чтобы онъ поражалъ только того, кого нужно, и не поражалъ другихъ. Эта задача лежала всецѣло на Кибальчичѣ. По этому поводу я остановлю ваше вниманіе на довольно странномъ обстоятельствѣ, которое подробно изложено въ обвинительномъ актѣ, не отвергнуто подсудимыми и подтверждено при изслѣдованіи дѣла, а также показаніями на судѣ. Когда подсудимому Кибальчичу былъ предложенъ первый вопросъ о его участіи въ дѣлѣ, когда его спросили о метательныхъ снарядахъ, то онъ прежде всего заявилъ: „Да, это мои снаряды, это моя идея, моя система, мой типъ, я, я его одинъ изобрѣтатель, безъ всякихъ помощниковъ: это мой секретъ". А вы знаете, это типъ новый, эксперты этого типа не знаютъ, въ немъ все предусмотрѣно, такъ что онъ своей цѣли не достигнуть не можетъ. Затѣмъ прошло немного времени, пришлось перечитывать это показаніе и является уже другая мысль: „Да, но если я сказалъ, что эта идея моя, то она умретъ вмѣстѣ со мною, она никому не будетъ передана". Тутъ явилось другое объясненіе, тутъ интересы партіи оказались сильнѣе инте-

ресовъ научныхъ, тутъ въ Кибальчичѣ заговорилъ членъ соціально-революціонной партіи, и явилось діаметрально-противоположное объясненіе. Пошелъ разговоръ, что не я одинъ, что еще есть двое, они на свободѣ, они могутъ продолжать. Помощники были, это не подлежитъ сомнѣнію, но пусть Кибальчичъ всецѣло оставитъ за собою идею изобрѣтенія и ея успѣшное дѣйствіе. Выработаны были орудія преступленія и началъ мало-по-малу слагаться и опредѣленный планъ.

На конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ появился и Кибальчичъ, и здѣсь начались лекціи—я употребляю подлинное выраженіе Рысакова—лекціи Кибальчича о снарядахъ. Кибальчичъ привыкъ къ объясненію научныхъ предметовъ. Мы слышали здѣсь отъ него весьма обстоятельный, весьма связный разсказъ объ этомъ. Поэтому мы можемъ заключить, что его лекціи были ясны, послѣдовательны и вразумительны. Приносились не снаряды, но отдѣльныя части ихъ, Кибальчичъ читалъ участникамъ будущаго злодѣянія техническія наставленія и дѣлалъ пробы.

Судя по объясненіямъ, Кибальчичъ представляется спеціалистомъ, техникомъ, посвятившимъ себя на служеніе наукѣ, и при томъ спеціалистомъ, усвоившимъ себѣ соціально-революціонныя убѣжденія, человѣкомъ мягкаго характера, мягкаго даже образа дѣйствій, если это возможно. Онъ говорилъ намъ, что лично онъ не способенъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Когда, однако, на судѣ слышишь мягкую, спокойную, ни на минуту не прерывающуюся, обстоятельную, тихую рѣчь Кибальчича, невольно приходитъ въ голову мысль: „Мягко стелетъ, да жестко спать“. Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ, не окончивши курса наукъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, въ 1871 году поступилъ въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, а оттуда въ 1873 году перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію, гдѣ, по собственному показанію, и пріобрѣлъ соціальныя убѣжденія. Въ это время ему было, по моему приблизительному разсчету, безъ малаго 20 лѣтъ. Между 1873 и 1875 гг. Кибальчичъ слушаетъ лекціи въ Академіи. Занимался ли онъ тамъ—этого мы не знаемъ;

но въ 1875 году лѣтомъ мы застаемъ его живущимъ въ Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата. Здѣсь онъ передаетъ рядовому Притулѣ революціонную книжку подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ". Производятъ у него обыскъ, находятъ цѣлый тюкъ революціонныхъ изданій и собраніе подложныхъ паспортовъ, его заключаютъ подъ стражу и возбуждаютъ дѣло, оконченное приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената 1-го мая 1878 года, присудившимъ Кибальчича за храненіе запрещенныхъ изданій къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ, съ 1875 по 1878 годъ Кибальчичъ не дѣйствуетъ, онъ находится въ заключеніи. Но тюрьма еще болѣе утверждаетъ Кибальчича въ соціальныхъ убѣжденіяхъ, такъ что по освобожденіи онъ выходитъ съ окрѣпшими революціонными воззрѣніями, и осенью, послѣ арестовъ, произведенныхъ въ Петербургѣ послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцова, переходитъ на нелегальное положеніе. До осени 1879 года онъ, впрочемъ, повидимому, въ революціонной дѣятельности не принимаетъ активнаго участія, и объясняется это тѣмъ, что онъ не имѣлъ связей съ партіею, а связи были нужны въ партіи и въ ней нельзя было обойтись безъ соціально-революціонной протекціи. Вскорѣ, все болѣе и болѣе присоединяясь къ партіи внутренно, Кибальчичъ, еще до формальнаго къ ней присоединенія, предвидя, что партіи придется вступить въ борьбу съ правительствомъ и употреблять въ борьбѣ такія вещества, какъ динамитъ, начинаетъ изучать все относящееся къ производству динамита, и изучаетъ, нужно отдать ему справедливость, съ научною добросовѣстностью, изучаетъ такъ, что дѣйствительно могъ сдѣлаться изобрѣтателемъ и составителемъ метательныхъ снарядовъ. Мы слышали, что онъ владѣетъ и, можетъ быть, только по этому случаю овладѣлъ языками, что онъ перечиталъ все, что могъ найти по литературѣ предмета—предмета: какъ странно звучитъ это слово, когда говоришь о динамитѣ, метательныхъ снарядахъ и другихъ орудіяхъ разрушенія! Весною 1879 года Кибальчичъ, прямо съ цѣлью предложить свои услуги партіи, знакомится съ Квятков-

скимъ и начинаетъ готовить динамитъ, какъ общественное достояніе партіи. Лѣтомъ 1879 года общіе революціонные интересы сводятъ его съ Желябовымъ, а въ 1880 году онъ оказывается въ Петербургѣ и, проживая въ разныхъ квартирахъ подъ разными именами, посвящаетъ все свое время мастерскимъ, гдѣ приготовляется динамитъ, и, наконецъ, является предъ вами обвиняемымъ въ злодѣяніи съ извѣстнымъ вамъ участіемъ.

РѢЧЬ ЗАЩИТНИКА ПРИС. ПОВ. ГЕРАРДА.

Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Громадность и важность того преступленія, о которомъ вы произнесете вашъ приговоръ, близость дня, въ который совершилось событіе 1-го марта, съ сегодняшнимъ днемъ суда надъ нимъ, вполнѣ объясняютъ въ моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ, ту страстность, съ которою все общество ждетъ вашего суда, ту страстность, благодаря которой люди, весьма серьезно относящіеся къ событіямъ, встрѣчающимся имъ въ жизни, привыкшіе анализировать причины и послѣдствія этихъ событій, не могутъ подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта поступить въ данномъ случаѣ такъ, какъ они поступаютъ обыкновенно. Они видятъ предъ собою только ужасающій фактъ смерти усопшаго Государя отъ руки убійцъ и далѣе этого ни впередъ ни назадъ не идутъ. Мнѣ понятна и та страстность, съ которой была сказана обвинительная рѣчь. Я вполнѣ понимаю, что съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ г. прокуроръ на самое событіе и съ которой, повторяю, смотритъ все общество, нельзя къ нему относиться иначе. Но вы, гг. судьи, должны отрѣшиться отъ всякой страстности: судъ не можетъ дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ страсти, не можетъ судить одно происшествіе; онъ долженъ взвѣсить и причины. Судя подсудимыхъ, онъ не можетъ останавливаться только передъ дѣйствіями преступника, онъ долженъ непремѣнно углубиться въ то, что могло его привести съ пути законности къ преступленію, и чѣмъ оно важнѣе, чѣмъ дальше путь отъ этой законности къ совершенному преступленію, тѣмъ строже вы должны исполнить эту вашу обязанность.

Въ этомъ отношеніи исторія подсудимаго Кибальчича весьма, на мой взглядъ, назидательна. Кибальчичу теперь 27 лѣтъ; въ 1871 году, слѣдовательно 17-ти лѣтъ, онъ окончилъ курсъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Если онъ кончилъ курсъ 17-ти лѣтъ, то это уже указываетъ на человѣка, который былъ одаренъ отъ природы прилежаніемъ и способностями, выходящими изъ ряда. Въ этомъ возрастѣ рѣдко оканчиваютъ курсъ. Итакъ, въ 1871 году онъ окончилъ курсъ гимназіи съ медалью и явился въ Петербургъ для полученія высшаго образованія. Мы видимъ, что до 1873 года онъ воспитывается въ Институтѣ путей сообщенія, но затѣмъ въ 1873 году онъ переходитъ въ Медико-Хирургическую Академію. До 1875 года, когда, помимо его воли, теченіе ученія прекратилось, онъ не бездѣйствовалъ въ Академіи. Въ 1875 году онъ былъ на 3-мъ курсѣ, слѣдовательно онъ въ теченіе этого времени аккуратно переходилъ изъ курса въ курсъ. Занятія шли успѣшно, но въ октябрѣ 1875 года были прерваны его арестомъ. Дѣло о прежней судимости Кибальчича передъ вами, и я считаю своею обязанностью указать на это дѣло, какъ указано и въ обвинительномъ актѣ, но только съ большею подробностью. За что же былъ арестованъ въ 1875 году Кибальчичъ и за что онъ судился въ 1878 году? Лѣтомъ онъ провелъ каникулы въ имѣніи своего брата, въ Кіевской губерніи, Липецкаго уѣзда. Намъ говорятъ, онъ сближался съ крестьянами. Да, но потому, что тамъ другого-то общества не было, и понятное дѣло, что желаніе познакомиться съ народомъ, я не стану этого отрицать, желаніе сблизиться съ нимъ было у Кибальчича и тогда. При этомъ общеніи съ народомъ онъ никому не говорилъ ничего противозаконнаго, ничего такого, что могло бы быть поставлено ему въ упрекъ на судѣ. Онъ многимъ крестьянамъ раздавалъ большое количество разныхъ книгъ, и всѣ, за исключеніемъ одной, оказались дозволенными къ чтенію. Только одному крестьянину Притулѣ онъ передалъ книжку подъ названіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ“, книжку противозаконнаго содержанія. Вотъ, гг. судьи, эта-то книжка поступила къ этому свидѣтелю

съ такими предисловіями и указаніями, что свидѣтель, передавъ ее другому, не вынесъ изъ чтенія ея ничего противозаконнаго. У него не осталось впечатлѣнія, что это была книга запрещенная. То же самое было и съ тѣмъ крестьяниномъ, которому онъ ее передалъ, а затѣмъ и третьему, но, наконецъ, получилъ эту книжку священникъ и представилъ ее по начальству. Началось дознаніе, которое выяснило именно то, что я сейчасъ изложилъ. Кибальчичъ тѣмъ временемъ продолжалъ учиться въ Медико-Хирургической Академіи. Въ одно утро въ Академіи къ нему обращается инспекторъ и говоритъ, что приходила полиція и спрашивала его. Кибальчичъ до такой степени чувствовалъ себя невиннымъ передъ закономъ и правительствомъ, что немедленно отправился въ полицію и спросилъ, зачѣмъ его искали. Тутъ онъ былъ арестованъ, при чемъ былъ сдѣланъ обыскъ въ его квартирѣ, и дѣйствительно, въ этой квартирѣ, которую посѣщала масса болѣе или менѣе знакомыхъ ему людей, нашли тюкъ съ запрещенными книгами и разными паспортами; тюкъ совершенно задѣланный, котораго за два или три дня передъ тѣмъ, по показанію квартирной хозяйки, не было у Кибальчича. Когда онъ былъ спрошенъ, то заявилъ, что тюкъ этотъ принесенъ ему однимъ знакомымъ, котораго онъ не назвалъ, и объяснилъ, что онъ не зналъ, что находится въ тюкѣ, и надо думать, онъ сказалъ правду, потому, что, если бы онъ зналъ, что въ немъ находится, то неужели, узнавъ, что его ищетъ полиція, онъ не побѣжалъ бы прежде въ квартиру, чтобы скрыть этотъ тюкъ? Итакъ 11-го октября 1875 года онъ былъ арестованъ по обвиненію въ передачѣ запрещенной книжки крестьянину Притулѣ, былъ арестованъ и препровожденъ въ Кіевскій тюремный замокъ, но сначала произведено дознаніе въ Петербургѣ, продолжавшееся до іюня 1876 года; Кибальчичъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ и приступлено было къ производству формальнаго слѣдствія черезъ члена судебной палаты.

Первоприсутствующій. Я пригласилъ бы васъ, г. защитникъ, эту часть вашей рѣчи сократить, такъ какъ Особое Присутствіе, разрѣшившее вамъ ссылаться на

производство дѣла о Кибальчичѣ, находящееся въ виду присутствія, тѣмъ самымъ считаетъ своею обязанностью ознакомиться съ нимъ во всей подробности.

Прис. пов. Герардъ. Я прошу только позволенія хронологически повторить ходъ этого дѣла, потому что, по моему глубокому убѣжденію, то направленіе, которое отъ 1874 до 1878 года наша судебная администрація давала политическимъ процессамъ, играетъ громадную роль при разъясненіи всего настоящаго дѣла. Я и прошу разрѣшить мнѣ только бѣгло указать вамъ въ хронологическомъ порядкѣ главные фазисы того дѣла.

Первоприсутствующій. Къ этому я васъ и приглашаю.

Прис. пов. Герардъ. Въ ноябрѣ 1876 года слѣдствіе было кончено и представлено въ министерство юстиціи. Въ февралѣ 1877 года оно внесено въ Особое Присутствіе Правительствующаго Сената, разбиравшее тогда дѣла по политическимъ преступленіямъ. Обвинительный актъ былъ составленъ, но въ него вкралась ошибка, вслѣдствіе чего Особое Присутствіе, въ февралѣ 1877 года, возвратило обвинительный актъ товарищу оберъ-прокурора для исправленія этой ошибки. Ошибка была исправлена въ декабрѣ, наконецъ, 1-го мая 1878 года состоялся судъ надъ Кибальчичемъ, т.-е. чрезъ 2 года и 8 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Особое Присутствіе Правительствующаго Сената не признало возможнымъ обвинить Кибальчича въ томъ грозномъ обвиненіи, которое было выставлено противъ него. Оно признало, что въ данныхъ дѣйствіяхъ Кибальчича нѣтъ признака этого преступленія. Когда сегодня представитель обвинительной власти говорилъ о прежнихъ приговорахъ Особаго Присутствія, онъ указывалъ на то, что на судѣ противъ такого-то подсудимаго улики оказались недостаточными для обвиненія во взведенномъ на него преступленіи. Но вѣдь это не такъ. Улики на судѣ въ Особомъ Присутствіи всегда однѣ и тѣ же, которыя имѣются на дознаніи и на предварительномъ слѣдствіи. Особое Присутствіе—не судъ присяжныхъ засѣдателей, предъ вами открыты всѣ акты и дознанія предварительнаго слѣдствія, такъ какъ Особому Присутствію эти производства открыты. Они, конечно, про-

вѣряются на судѣ, и эта провѣрка можетъ ихъ поколебать, опровергнуть, но не дѣлаетъ пробѣла въ уликахъ. Итакъ, Кибальчичъ былъ признанъ виновнымъ только въ такомъ преступленіи, которое можетъ влечь за собою лишь дисциплинарное взысканіе. Онъ и подвергся одномѣсячному тюремному заключенію, которое и отбылъ. Въ началѣ іюня 1878 года онъ вышелъ изъ тюрьмы послѣ почти трехлѣтняго заключенія до суда и одномѣсячнаго заключенія по приговору суда. Выйдя, такимъ образомъ, на свободу, Кибальчичъ подалъ прошеніе въ Медико-Хирургическую Академію о поступленіи въ нее вновь и сталъ хлопотать объ этомъ, но, къ сожалѣнію, въ это время революціонная партія вступила уже на террористическій путь... Въ августѣ 1878 года въ Петербургѣ было совершено убійство генералъ-адъютанта Мезенцова, и вслѣдствіе этого одною изъ административныхъ мѣръ была высылка изъ Петербурга всѣхъ лицъ, которыя когда-либо привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ по политическимъ процессамъ, независимо отъ того, были они обвинены или оправданы. Эта мѣра должна была постигнуть и Кибальчича, потому что у него еще не было опредѣленныхъ занятій, онъ еще хлопоталъ о поступленіи въ Академію. Можетъ быть, если бы онъ поступилъ, то по заступничеству начальника Академіи его могли оставить, но тутъ онъ зналъ навѣрное, что будетъ высланъ административнымъ порядкомъ... Я не буду говорить о несправедливости этой мѣры, полагая, что она уже осуждена.

Первоприс. Это не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ Я укажу только на практическую непригодность этой мѣры, какъ показали всѣ процессы...

Первоприс. Этотъ предметъ не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я хотѣлъ только сказать, что людей энергичныхъ, которые готовы рѣшиться на дѣйствительно дѣятельную борьбу съ правительствомъ,— эта мѣра никогда почти не касается; имъ открывается сейчасъ же путь нелегальнаго положенія, и вотъ это-то нелегальное положеніе поставило Кибальчича на то мѣсто, на которомъ вы его видите. Разъ вступивъ на путь

нелегальнаго человѣка, тутъ уже до всякихъ крайнихъ теорій, даже до терроризма одинъ только шагъ; а, однажды человѣкъ вступаетъ на путь терроризма, то само собой разумѣется, это человѣкъ уже погибшій. Г.г. судьи, г. прокуроръ часть своей рѣчи посвятилъ на изысканіе причинъ, откуда можетъ являться террористическая партія въ Россіи. Конечно, къ изысканію этихъ причинъ, я въ этомъ убѣжденъ, г. прокурора привела мысль о томъ, да какъ же избавиться отъ этой тревоги, въ которой террористическая партія держитъ цѣлую Россію. Я совершенно также постоянно мыслилъ объ этомъ предметѣ, онъ постоянно меня тревожилъ и тревожитъ, и много разъ, слѣдя за прежними процессами, участвуя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ защитника, я старался понять, откуда можетъ произойти у насъ подобное явленіе, и прихожу къ тому заключенію, что въ тѣхъ мѣрахъ, съ которыми прежде относилась къ преслѣдуемымъ по политическимъ процессамъ наша судебная администрація, много таится. Мнѣ скажутъ: но вѣдь эти случаи единичны. Нѣтъ, вглядитесь въ процессъ 193-хъ, и вы увидите, что по оному было привлекаемо по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ болѣе 1.000 человѣкъ.

Первоприс. Вы отвлекаетесь отъ предмета защиты, отъ фактовъ настоящаго дѣла. Вы можете указывать на это въ общихъ чертахъ, но возбуждать вопросъ о дѣлахъ давно минувшихъ, разбирать ихъ, входить почти въ существо производства—не представляется надобности. Я уже указывалъ вамъ, что, во-первыхъ, Особое Присутствіе будетъ имѣть въ виду эти производства, и, во-вторыхъ, вы утомляете вниманіе Особаго Присутствія вещами, не подлежащими его сужденію, такъ какъ оно желаетъ и, конечно, будетъ неутомимо для всего серьезнаго, какъ въ интересахъ обвиненія. такъ и въ интересахъ защиты по настоящему дѣлу, Поэтому я приглашаю васъ освободить Особое Присутствіе отъ излишнихъ подробностей, по моему мнѣнію не имѣющихъ для настоящаго дѣла никакого вліянія и весьма мало разъясняющихъ его.

Герардъ. Я думалъ, что если-бы я могъ указать на

факты, хотя мало разъясняющіе это важное дѣло, то мнѣ не будетъ это поставлено въ упрекъ...

Первопрес. Конечно, это вліяніе будетъ имѣть значеніе, если вы обратите вниманіе Особаго Присутствія на процессъ о 193-хъ по отношенію къ настоящему дѣлу...

Герардъ. Я въ этомъ отношеніи и прошу васъ обратить вниманіе на процессъ 193-хъ. Изъ этого процесса вы почерпнете очень много данныхъ для сужденія о причинахъ появленія у насъ террористической партіи. Затѣмъ, обращаюсь къ подсудимому Кибальчичу. Я прошу васъ прежде всего замѣтить, что г. прокуроръ, выставляя одно общее положеніе, что у всѣхъ обвиняемыхъ одинаковая программа дѣйствій, одинаковыя задачи, одинаковыя мысли, одинаковыя эмблемы, которыя доказываютъ принадлежность ихъ къ соціально-революціонной партіи, ничего не могъ указать въ этомъ смыслѣ по отношенію къ Кибальчичу. Свои указанія на принадлежность къ террористической партіи г. прокуроръ раздѣлилъ на двѣ части: на революціонное прошлое и на тѣ предметы, которые оказались, по обыску, какъ имъ принадлежащіе. Относительно революціоннаго прошлаго я уже сказалъ. Что могу я сказать относительно того, что у Кибальчича было найдено? Печатныя и рукописныя изданія и замѣтки. Я считаю своей обязанностью обратить вниманіе Особаго Присутствія на книги и рукописи, найденныя у подсудимаго. У него не было найдено ничего такого, на что указывалъ г. прокуроръ, какъ на признакъ дѣйствительной принадлежности къ террористической партіи. Напротивъ того, я прошу обратить вниманіе на рукопись, озаглавленную „Переходное положеніе для земства". Кибальчичъ писалъ эту рукопись, очевидно, въ самое послѣднее время, даже, какъ видно, онъ перебѣлялъ ее уже послѣ 1-го марта. Само собою разумѣется, что если вамъ говорятъ, что террористъ занимался вопросомъ о положеніи земства, то вамъ прежде всего представляется слѣдующая картина: что долженъ былъ писать этотъ террористъ? Онъ долженъ былъ писать уже никакъ не объ отношеніяхъ земства и администраціи, потому что для террориста никакой администраціи не нужно; для

него нужна полная нивеллировка всего. Такъ, дѣйствительно, и проповѣдуется въ программѣ террористической партіи. Я прошу васъ прочесть хотя три, четыре страницы этой рукописи Кибальчича, и вы увидите, что онъ задается самыми скромными идеалами, о большей самостоятельности земства по отношенію къ администраціи. Напримѣръ, онъ находитъ, что земство не имѣетъ достаточно самостоятельности, и онъ желаетъ, чтобы оно имѣло ея болѣе. Такимъ образомъ, я думаю, что въ самомъ участіи Кибальчича въ этомъ дѣлѣ есть громадное недоразумѣніе. Когда я явился къ Кибальчичу, какъ назначенный ему защитникъ, меня прежде всего поразило, что онъ былъ занятъ совершенно инымъ дѣломъ, ничуть не касающимся настоящаго процесса. Онъ былъ погруженъ въ изысканіе, которое онъ дѣлалъ о какомъ-то воздухоплавательномъ снарядѣ; онъ жаждалъ, чтобы ему дали возможность написать свои математическія изысканія объ этомъ изобрѣтеніи. Онъ ихъ написалъ и представилъ по начальству. Вотъ съ какимъ человѣкомъ вы имѣете дѣло. Я далекъ отъ мысли сказать какое-нибудь слово въ оправданіе цареубійства, сказать слово въ оправданіе террора—нѣтъ, какъ то, такъ и другое вполнѣ отвратительно, но я долженъ вамъ сказать, господа, что то наказаніе, назначить которое вамъ предлагалъ г. прокуроръ....

Первоприс. О наказаніи вы будете говорить въ свое время.

Герардъ. Но за обвиненіемъ слѣдуетъ наказаніе, и я говорю объ обвиненіи. Г. прокуроръ, требуя наказанія, видитъ въ немъ лѣченіе отъ того зла, съ которымъ намъ всѣмъ нужно бороться, а я говорю, что это наказаніе только и будетъ наказаніемъ, а не лѣченіемъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО КИБАЛЬЧИЧА.

О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ предоставленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ соціалистовъ, признаю право каждаго на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія отнятіе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія—является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую, онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственныя дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что онѣ насильственныя. Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилію и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса.

Первоприс. Я приглашаю васъ касаться только вашей защиты.

Кибальчичъ. Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существен-

ныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, и именно за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать, но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату. Затѣмъ уже по частному вопросу я имѣю сдѣлать заявленіе на счетъ одной вещи, о которой уже говорилъ мой защитникъ. Я написалъ проектъ воздухоплавательнаго аппарата. Я полагаю, что этотъ аппаратъ вполнѣ осуществимъ. Я представилъ подробное изложеніе этого проекта съ рисунками и вычисленіями. Такъ какъ, вѣроятно, я уже не буду имѣть возможности выслушать взгляда экспертовъ на этотъ проектъ и вообще не буду имѣть возможности слѣдить за его судьбою, и возможно предусмотрѣть такую случайность, что кто-нибудь воспользуется этимъ моимъ проектомъ, то я теперь публично заявляю, что проектъ мой и эскизъ его, составленный мною, находится у г. Герарда.

ВСТРѢЧА СЪ Н. И. КИБАЛЬЧИЧЕМЪ.

Нѣсколько разъ въ жизни мнѣ на опытѣ пришлось убѣдиться, что легко можно пройти мимо крупнаго характера или крупнаго ума, благодаря обыденной внѣшности или пріемамъ обладателя этого ума или характера. Каждый разъ такая недооцѣнка людей причиняла мнѣ большой стыдъ за себя и даже боль отъ чувства вины передъ человѣкомъ; съ другой стороны—каждый такой случай доказывалъ мнѣ, что среда людская заключаетъ въ себѣ во множество разъ больше крупныхъ умовъ и характеровъ, чѣмъ сколько ихъ становится намъ извѣстными.—Даже въ средѣ культурной и интеллигентной не рѣдки примѣры того, что лучшія головы и лучшія сердца долгое время (сравнительно) остаются въ сторонѣ отъ руководительства тѣмъ или инымъ движеніемъ и даже не вызываютъ къ себѣ особаго вниманія со стороны товарищей своихъ.

Кибальчичъ представлялъ собой яркій образецъ чистой души и сильнаго ума, замкнутаго въ скромную, обыденную оболочку.—Быть можетъ, при болѣе близкомъ личномъ знакомствѣ, мнѣ удалось бы скорѣе распознать величіе его души и прослѣдить его способность самостоятельно приходить къ смѣлому и вѣрному рѣшенію важныхъ и сложныхъ вопросовъ, но, къ большому моему сожалѣнію, знакомство наше ограничилось перепиской и мимолетными свиданіями въ тюремной церкви или черезъ рѣшетки въ залѣ свиданій....

Когда меня въ числѣ другихъ семидесяти человѣкъ, перевезли къ суду изъ крѣпости въ Д. П. З., Кибальчичъ былъ уже тамъ, въ ожиданіи окончанія своего дѣла.—Въ то время въ Д. П. З. сидѣло множество народа со всѣхъ концовъ Россіи по разнымъ, большимъ и маленькимъ, процессамъ, и это густое заселеніе тюрьмы политическими дѣлало невозможными обычныя тюрем-

ныя строгости. Измученные долгимъ одиночествомъ, заключенные съ жадностью бросились на возможность общенія между собою, завязывались знакомства и тайныя перекрестныя переписки, позволившія не только перезнакомиться другъ съ другомъ, но и войти въ тѣсныя дружескія отношенія.

До переѣзда въ Д. П. З. я ничего не знала о Кибальчичѣ и до полученія отъ него перваго его письма даже не слыхала о немъ. Не помню содержанія этого перваго письма, какъ и всѣхъ послѣдующихъ въ отдѣльности, помню только, что на меня произвела впечатлѣніе простота тона и почти дѣтская правдивость его. Я показала его ближайшимъ товаркамъ, но и онѣ ничего не знали объ авторѣ письма, и тогда я запросила друзей, сидѣвшихъ въ мужскомъ отдѣленіи. Отвѣтили мнѣ, что сидитъ Кибальчичъ по своему небольшому дѣлу, что парень онъ хорошій, но что интереса собою не представляетъ.—Я отвѣтила Кибальчичу по товарищески и онъ сталъ часто и много писать. Его длинныя, безыскуственныя, однотонныя письма подробно и шагъ за шагомъ излагали ходъ его чувствованій и мыслей, съ того времени, какъ онъ близко столкнулся съ рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Въ письмахъ своихъ онъ касался и лицъ, и сосѣдей лишь по стольку, по скольку и тѣ, и другіе отзывались и вліяли на образованіе его революціоннаго міросозерцанія и на его готовность встать въ тѣ или иныя отношенія къ дѣйствовавшей партіи. Разбирая эволюцію своего міровоззрѣнія, перебирая хотя и постепенную, но крупную душевную ломку, оставляя позади себя теорію мирной пропаганды и увлекаясь все болѣе и болѣе въ сторону чисто революціонной борьбы, Кибальчичъ, какъ человѣкъ съ глубокой натурой, переживалъ тогда очень трудный, очень тяжелый и потому всецѣло захватывавшій его періодъ развитія. Этотъ сильный ростъ души его, поглотившій все его вниманіе, оставлялъ мало мѣста и времени для горячаго отношенія къ тому, что дѣлалось вокругъ него. Окруженный бурнымъ обществомъ чуть не трехсотъ товарищей революціонеровъ, ежедневный свидѣтель рѣзкихъ протестовъ ста девяносто трехъ противъ царскаго суда,

длившагося около полугода, вольный и невольный слушатель рѣчей и словопреній, весь день раздававшихся во дворѣ изъ оконъ окружающихъ его камеръ, — онъ умудрялся писать длинныя письма, гдѣ подробно разсказывалъ сначала о томъ, какъ онъ безусловно вѣрилъ въ возможность добиться справедливости путемъ убѣжденій и мирнаго протеста и какъ несмотря на это его посадили въ тюрьму; потомъ описывалъ свои впечатлѣнія отъ чигиринскаго дѣла и, по поводу Стефановича, распространялся о роли личности въ исторіи; противникъ обмана и всякой фальши по отношенію къ народу, онъ все же не могъ не простить этотъ обманъ лично тому человѣку, который совершилъ его только изъ любви къ этому самому народу.

Онъ былъ мягокъ, тягучъ и какъ бы задумчивъ въ своихъ письмахъ. Видно было, что все время онъ уяснялъ себѣ вопросы, которые ставило ему движеніе, и искалъ отвѣта и въ собственномъ разумѣ, и въ убѣжденіяхъ своихъ товарищей. Такая постановка переписки вызвала горячіе, а, можетъ быть, и рѣзкіе возраженія и отвѣты съ моей стороны, такъ какъ у меня, значительно старшей Кибальчича, уже не было ни сомнѣній, ни опасеній, волновавшихъ его. Первые мѣсяцы суда мы сидѣли еще въ одиночкахъ и далеко не всѣ письма, получаемыя каждой изъ насъ, могли прочитываться сообща; когда же насъ, приговоренныхъ къ Сибири, посадили вмѣстѣ, тогда вся переписка стала общей, всѣ получаемыя отъ товарищей изъ крѣпости и въ самой Предварилкѣ письма читались громко, внося оживленіе, вызывая шумные разговоры и смѣну настроеній. Читались и письма Кибальчича, но послѣ одного, двухъ разъ товарки пожелали читать ихъ послѣдними и мнѣ самой было обидно за то, что они не вызывали къ себѣ должнаго интереса, казались скучными, приводили въ непріятное удивленіе людей, уже вполнѣ готовыхъ ринуться въ самый страшный бой, людей, близкихъ уже тогда къ появившейся послѣ программѣ Народной Воли.—Всѣ письма свои ко мнѣ Кибальчичъ начиналъ обращеніемъ: „Катерина!“ широко растянувъ его по всей четвертушкѣ почтоваго листа. Эта непривычная форма обращенія ужасно смѣ-

шила нашу компанію, и очень скоро самого Кибальчича прозвали „Катериной“ и всѣ дружно кричали: „Катерину читать послѣ всѣхъ!..“ „Ну, ужъ эта Катерина, опять растянула свои мысли на двухъ листахъ...“ „Читай сама свою Катерину...“ Случалось, что не давали дочитать посланія до конца. Наша дружная компанія до того сжилась съ интересами каждаго изъ насъ, что нерѣдко на письма товарищей отвѣчала не та, которая получила письмо, а другая за нее, смотря по тому, что кому особенно понравилось или не понравилось; но на письма Кибальчича не было охотницъ отвѣчать, и мнѣ всегда приходилось это дѣлать самой, а иногда и запаздывать съ отвѣтомъ. Тогда получались посланія еще болѣе длинныя съ требованіемъ отвѣта на всѣ поставленные вопросы. Но у меня не хватало терпѣнья отвѣчать по пунктамъ. Часто, отправивъ письмо, я каялась въ недостаточности вниманія и терпѣнія, въ недостаточности спокойствія и сдержанности, иногда боялась, что мой корреспондентъ разсердится или обидится на меня, и уже готова была писать покаянную, какъ въ слѣдующую же „почту“ приходило толстое письмо отъ „Катерины“, гдѣ она съ неистощимымъ терпѣніемъ доказывала, что ее не вполнѣ поняли въ тѣхъ-то и тѣхъ-то мѣстахъ, и вслѣдъ за этимъ продолжала излагать дальнѣйшія свои соображенія и ставить новые вопросы. Эта снисходительность „Катерины“ и ея упорство въ разбирательствѣ занимавшихъ ее вопросовъ стали смягчать сердца компаніи, тѣмъ болѣе, что почти не было письма, въ которомъ бы хотя въ самой малой степени не проскальзывало слѣдовъ поступательнаго движенія въ сторону тѣхъ убѣжденій, той теоріи, которую мы признавали наилучшей. По мѣрѣ того какъ Кибальчичъ отвоевывалъ своей упорной работой мысли одно положеніе за другимъ, онъ становился все ближе къ намъ, и когда разногласія между нимъ и нами уменьшились до того, что насъ уже раздѣляло небольшое пространство мысли (если можно такъ сказать)— мы сразу замѣтили близость, возрадовались успѣхамъ и стали еще горячѣе настаивать на полномъ соглашеніи.—И время было горячее. Судъ нашъ окончился, мы ждали высылки, но сердца

наши были полны интереса къ текущимъ событіямъ. Мы знали что „на волѣ“ остаются товарищи,—и старые, вышедшіе по нашему процессу, и новые успѣвшіе народиться за четыре года нашего сидѣнья,—которые продолжаютъ борьбу и готовятся къ крупнымъ событіямъ, къ жестокому бою. Мы жадно слѣдили за тѣмъ, какъ чувства и мысли, отвергаемыя еще полгода назадъ съ силой и страстью, уже завладѣли сердцами и умами и старыхъ, и новыхъ борцовъ; какъ набирались полки ихъ, какъ воодушевлялись эти полки при первомъ громѣ террористическихъ ударовъ въ Питерѣ, въ Кіевѣ... Каждый стойкій человѣкъ, увеличивавшій собою ряды борцовъ нашихъ, былъ намъ и милъ, и дорогъ.—Умный, положительный Кибальчичъ всматривался издали, слѣдилъ, взвѣшивалъ, соразмѣрялъ. Онъ тоже ждалъ рѣшенія своего дѣла, но ждалъ съ увѣренностью, что его выпустятъ на волю, такъ какъ дѣло, по которому онъ былъ взятъ, не могло повлечь за собою серьезнаго приговора. Онъ ждалъ, уже твердо зная, что изъ воротъ тюрьмы онъ прямо пойдетъ въ станъ революціи, что уже нѣтъ сомнѣній въ немъ на счетъ выбора путей, какъ служить человѣчеству. Но средства, средства!.. Ахъ, какъ мучилъ его этотъ вопросъ, какъ силился онъ рѣшить его себѣ такъ, чтобы не было чего-нибудь недодуманнаго, чтобы поворотъ былъ невозможенъ, чтобы мягкая и справедливая натура не смогла когда-нибудь возмутиться ошибкою или поспѣшностью его ума.

Часъ близился. Многолюдныя свиданія съ отъѣзжающими приносили все новыя вѣсти о томъ, какъ народъ нашъ валитъ на собранія, какъ онъ сговаривается выступить на работу, къ какимъ рѣшеніямъ приходитъ. Со свиданій возвращались въ камеры съ карманами, полными записокъ, въ которыхъ нерѣдко излагались цѣлые планы организацій, съ описаніемъ ихъ мельчайшихъ подробностей. Весь остальной день обсуждали полученные проекты, спорили, критиковали, соглашались... На другой день садились писать отвѣты. Письма Кибальчича становились все короче и рѣшительнѣе, онъ подводилъ итоги всѣмъ нашимъ предыдущимъ спорамъ, добросовѣстно выставлялъ всѣ пункты за и противъ и

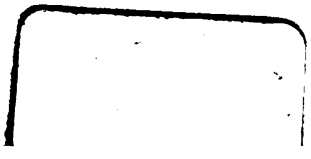
смѣло признавалъ себя побѣжденнымъ по главнымъ своимъ возраженіямъ. Оставались еще нѣсколько слабыхъ доводовъ, которые онъ ставилъ не изъ упрямства, а изъ желанія выяснить себѣ самому всѣ остатки сомнѣній.—Въ одинъ изъ тревожныхъ дней, переживаемыхъ въ Д. П. З. передъ отправкой, получилась „почта“ и небольшая записка отъ „Катерины“. Вслѣдъ за обращеніемъ стояли такія слова (привожу по памяти): „Даю слово, что все мое время, всѣ мои силы я употреблю на служеніе революціи посредствомъ террора. Я займусь такой наукой, которая помогла бы и мнѣ, и товарищамъ приложить свои силы самымъ выгоднымъ для революціи образомъ. Очень можетъ быть, что цѣлые годы придется работать надъ тѣмъ, чтобы добыть нужныя знанія, но я не брошу работы, пока не буду убѣжденъ въ томъ, что достигъ того, чего мнѣ надо...“ Затѣмъ онъ нѣжно прощался съ нами и увѣрялъ, что и наша пѣсня еще не спѣта, что мы еще вернемся на поле брани...

Это было послѣднее письмо его ко мнѣ. Оно особенно врѣзалось въ память, потому что представило намъ „Катерину“ совершенно въ новомъ для насъ свѣтѣ и заставило насъ торжествовать: такой тихій, скромный, терпѣливый, основательный—идетъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Значитъ, будетъ работать, не повернетъ въ сторону...

Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ случилось жить далеко отъ Петербурга, въ одномъ помѣщеніи съ нѣсколькими женщинами, изъ которыхъ нѣкоторыя работали съ Кибальчичемъ надъ приготовленіемъ взрывчатыхъ составовъ, участвовали въ роли хозяекъ и кухарокъ квартиръ.

Всѣ тѣ, которые говорили мнѣ о немъ, утверждали, что онъ былъ очень мало озабоченъ тѣмъ, что вокругъ него происходило. Онъ уходилъ въ свою работу съ головой и, хотя казался спокойнымъ, но, очевидно, ничѣмъ не могъ отвлечься отъ мысли о ней. На женщинъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ смотрѣлъ исключительно, какъ на товарищей по работѣ, и не только не былъ съ ними любезенъ, но, вѣрнѣе, никакого вниманія не обращалъ на нихъ. Не только не вмѣшивался въ квартир-

ныя хозяйскія дѣла, но даже свою комнату и свое бѣлье никогда не убиралъ и требовалъ, чтобы все нужное было готово и подано во время, нисколько не входя въ положеніе своихъ импровизированныхъ хозяекъ и кухарокъ...

Одна мысль владѣла имъ: необходимость дать могучее орудіе въ руки борцовъ. Онъ всего себя посвятилъ этому дѣлу и, выполнивъ свою задачу, спокойно простился съ жизнью...

Е. Брешковская.